

В столице империи даже ходила такая поговорка: «Я друг Ху Ичжи».

За исключением неукротимой страсти к азартным играм, его можно было назвать почти идеальным человеком.

Многие знатные девицы вздыхали по нему, и когда до Ху Ичжи дошли слухи, что император намерен выдать за него одну из них, он той же ночью бежал из столицы. Когда друзья спрашивали его о причинах, он отвечал прямо: «В моем сердце — Дао и три тысячи путей. Если я возьму в жены женщину, но не смогу ответить на ее глубокую привязанность, это будет предательством. Так поступать нельзя».

Все это было в прошлом. Ху Ичжи уже сто лет служил заместителем ректора в Наньюане. Хотя он и построил здесь самое высокое книгохранилище на Юге, усовершенствовал защитные формации академии, а многие преподаватели пришли сюда именно из-за его доброго имени, время превратило некогда галантного и прославленного мужа в старого игрока, вечно живущего в долг.

С тех пор как он встретился с ректором, удача отвернулась от него. Привычка в молодости сорить деньгами направо и налево привела к тому, что он никогда не держал накоплений: как только появлялись деньги, он тут же садился играть с ректором. Проигрывал раз за разом, но смириться с поражением не мог.

Вспомнив об этом, Санняян невольно вздохнула:

— Ладно, не буду я с тобой о деньгах... Южное военное ведомство бросило в бой всех своих сильнейших воинов, к ним присоединились ты и ректор, и даже так вы не смогли его схватить? Насколько же высока база совершенствования у этого демона?

Ху Ичжи допил чай и подлил себе еще:

— База совершенствования, может, и не запредельная, но боевые навыки у него выдающиеся. Мы с ректором нанесли ему тяжелые раны, но он предпочел не сдаваться в плен, а использовал кровавый побег на три тысячи ли и устремился на восток. Нам пришлось предупредить тамошние заставы и активировать защитную формацию города Чжаогуан. В любом случае, нельзя было позволить ему прорваться в Снежные земли, примкнуть к демоническому племени и сеять хаос на восточных границах.

— Хотя говорят, что безопасность мира — забота каждого, но этим делом занимается армия. Зачем тебе было в это ввязываться?

Ху Ичжи горько усмехнулся:

— Когда я получил известие о демоне, как раз в это время кто-то пригласил меня в столицу, чтобы я помог им вычислить нужного человека. Условия были весьма заманчивыми...

— Неужели в столице и на всем Севере не нашлось других предсказателей? Раз уж они проделали такой путь до Наньяна, чтобы навестить меня, значит, разыскиваемый человек

занимает не последнее место. Но я предпочел заняться поимкой демона. Пока я лечил раны, они уже нашли других мастеров.

— Кого они искали?

— Любопытство к добру не ведет. Они не сказали, а я не спрашивал и даже не стал гадать.

Санняян кивнула:

— Верно. Что смог увидеть — то твое, а гадать лишний раз не стоит, в конце концов, это сокращает жизнь.

Она вдруг вспомнила о другом:

— А с тем ребенком что не так? Что ты в нем разглядел?

Ху Ичжи поставил чашку и помрачнел:

— Император стар и немощен, первый министр давно уехал и не возвращается, партийная борьба в самом разгаре, мир стоит на пороге смуты. Среди нынешних учеников обеих академий Фу Кэцзи одарен в искусстве меча, Цю Бэй — в механизмах и искусстве побега, Линь Дучжи с рождения обладает мудростью и прочел тысячи книг, девица из семьи Сюй несет на себе груз кровавой мести, второй сын семьи Хуа скрывает свой истинный блеск...

— Все они — люди, способные навести порядок в хаосе, стоит им встретить ветер и облака, как они превратятся в драконов. И только у Чэн Цяньжэня половина прошлого скрыта от меня, а будущее вообще не поддается прочтению.

— Я могу быть уверен лишь в одном: если сегодня он послушает мой совет и порвет связи с тем человеком из своего дома, еще можно все исправить. Но это невозможно.

Заместитель ректора с сожалением вздохнул:

— Его жизненные беды начались именно с этого момента.

Чэн Цяньжэнь нашел на пятом этаже книгу Начала теории чисел. Когда он принес ее в отдел выдачи, оказалось, что это оригинал, и аренда стоит десять лянов в день.

Старый распорядитель просмотрел записи:

— На репринтное издание записей о выдаче нет, значит, оно должно быть здесь.

Чэн Цяньжэнь поблагодарил его и пошел искать снова, но на этот раз нашел лишь одного человека.

Среди высоких книжных полок, у окна, стоял юноша с книгой в руках. Чистый весенний свет проникал сквозь решетчатые рамы, освещая зеленую нефритовую заколку в его волосах и спокойные черты лица.

Возможно, из-за высокого роста и прямой осанки, обычная форма академии смотрелась на нем так, что в голову невольно приходили слова: дерево, возвышающееся над лесом.

Почувствовав на себе взгляд, он поднял глаза.

Чэн Цяньжэнь на мгновение замер — какие же у него прозрачные, ясные глаза.

Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Ситуация была довольно странной.

Чэн Цяньжэнь сделал два шага вперед и с улыбкой извинился:

— Прошу прощения за беспокойство. Позвольте спросить, шисюн, вы собираетесь брать эту книгу Начала теории чисел?

Юноша кивнул, выражение его лица было холодным.

— Можно узнать, на сколько дней вы берете ее? Не могли бы мы договориться: когда будете возвращать, я приду и возьму ее следом?

Чэн Цяньжэнь, который мог торговаться до потери лица на рынке, ничуть не смутился. В худшем случае ему откажут, а лишний вопрос еще никого не убил.

Юноша слегка нахмурился и направился прямо к нему.

Когда расстояние сократилось, Чэн Цяньжэнь почувствовал исходящий от него тонкий, едва уловимый аромат чернил и сандала.

Юноша протянул ему репринтное издание, забрал из его рук оригинал и, не проронив ни слова, направился к стойке выдачи.

Чэн Цяньжэнь, не понимая, что произошло, взял книгу. Пока он опомнился и бросился следом, поспешно уходящая фигура уже скрылась за поворотом лестницы.

Получил выгоду, а даже имени его не узнал.

Он положил свой жетон и книгу на стол, старый распорядитель взял кисть, чтобы сделать запись, и в конце попросил расписаться. Чэн Цяньжэнь увидел предыдущую запись: «Начала теории чисел, оригинал, выдан на три дня, тридцать лянов оплачено».

Подпись гласила: Академия Наньшань, Линь Дучжи.

Почерк был мастерским, с твердыми и изящными штрихами.

Чэн Цяньжэнь был слегка удивлен: оказывается, это тот самый гений академии.

Действительно, не любит пустых разговоров. Но холодный ли он человек? Похоже, слухам не стоит верить на слово.

Значит, лучший ученик Наньшаня — молчаливый и готовый помочь?

Обед в доме Чэн Цяньжэня был сытным, а ужин — простым: рисовая каша и легкие закуски.

Чжулю редко участвовал в беседах после обеда. Когда речь заходила о чем-то неприятном, что ему не следовало слышать, он всегда деликатно уходил.

Только за ужином, когда они оставались вдвоем, в тишине наступающих сумерек, можно было поговорить по душам.

— Сегодня, когда я шел на учебу, видел, что младшие сыновья тетуски Ван и дяди Чжана пошли в частную школу. Сяо Лю, хочешь тоже? Это недалеко, всего через улицу от нас.

Чжулю не стал, как обычно, соглашаться на все слова брата:

— Не хочу. Лучше буду заниматься дома.

Чэн Цяньжэнь налил ему еще каши.

Когда они только переехали, соседи заходили в гости. Видя, что братья остались одни, без поддержки, они по праздникам приносили им еду и звали Чжулю играть с их детьми. Чэн Цяньжэнь тоже хотел, чтобы у брата было нормальное детство, но Чжулю был не по годам развит: поиграв полдня, он вернулся со словами: «Скучно, по-детски, пустая трата времени», — и снова сел за книги.

Чэн Цяньжэнь пытался отправить его в школу, но в ближайшей частной школе учились дети

соседей, а учитель преподавал слишком просто, ограничиваясь стишками. Чжулю сходил на урок один раз и больше не захотел.

С тех пор Чжулю учился дома сам. Если возникали вопросы, он спрашивал брата, а если Чэн Цяньжэнь не знал ответа, то шел к учителям академии. Для ребенка с такой самодисциплиной это был самый эффективный способ обучения.

Но сегодня Чэн Цяньжэнь заговорил об этом снова, имея в виду другие причины.

В следующем году Чжулю должен пойти в академию, ему пора учиться заводить друзей среди сверстников. Он не может вечно сидеть в четырех стенах маленького двора, читая книги и занимаясь хозяйством.

Чэн Цяньжэнь думал: нормального детства у такого замечательного ребенка не было, но хотя бы в будущем он может стать юношей, который будет окружен друзьями и жить в свое удовольствие.

— Не хочешь в ближайшую школу — не беда. Я разузнал, на юге города есть хорошая частная школа. Учитель преподает отлично, правда, он уже в возрасте, поэтому занятия длятся полдня. Можешь ходить после обеденного сна, а я после занятий буду забирать тебя, и мы пойдем домой вместе. Как тебе?

Чжулю отставил миску:

— Когда идти?

— Если хочешь, давай со следующего месяца. Заодно подготовишься к вступительным экзаменам следующей весной.

Чжулю поднял на него глаза:

— Нужно много платить за обучение?

На юге города жили богатые и знатные семьи, там были лучшие магазины и рестораны, и все стоило дороже, чем в других местах.

— Кто научил тебя беспокоиться о таких вещах? У брата есть деньги! — рассмеялся Чэн Цяньжэнь. — Тогда решено. Через несколько дней, когда у меня будет выходной, мы сходим в лавку Цзиньсю, купим тебе пару новых нарядов.

— Брат забыл, перед Новым годом, когда мы покупали зимнюю одежду, ты купил мне еще две весенние вещи, они так и лежат в сундуке, я их еще не надевал.

Чэн Цяньжэнь не забыл, он помнил о каждой вещи в доме.

— Этой весной наверняка появились новые фасоны, пара лишних нарядов не помешает.

Нужно идти в новую среду, заводить друзей, встречать по одежке — нельзя, чтобы Чжулю смотрели свысока. Есть вещи, на которых нельзя экономить.

Наевшись, они обсудили все важные дела, и Чэн Цяньжэнь с легким сердцем пошел мыть посуду.

Прибрав во дворе, он выполнил комплекс упражнений. Привычку следить за формой, выработанную на восточных границах, он сохранил и здесь, в Наньяне. Утром, если чувствовал сонливость, или после долгого чтения он всегда разминал кости. Болеть — значит терять время и деньги, а позволить себе болеть он не мог.

Вдруг он воскликнул: «Ой, беда!», — забежал в комнату, схватил старый меч и собрался уходить.

Чжулю выбежал следом:

— Уже темнеет, куда ты, брат?

— Несколько дней назад в городе ввели комендантский час, хозяин не пускал меня, а я чуть не забыл. Там бухгалтерские книги уже горой скопились.

Чэн Цяньжэнь обернулся и увидел Чжулю, стоящего в лучах заходящего солнца. Мальчик поднял на него лицо:

— Тогда вернись пораньше.

Самое нежное место в его сердце было задето, и он не удержался, чтобы не взъерошить волосы брата.

Небо темнело, бледно-голубой цвет переходил в чернильный, поглощая золотисто-красные отблески заката.

Чэн Цяньжэнь с мечом в руках направлялся к Западному рынку. Одни лавки уже закрывались, хозяева расходились по домам, другие — винные лавки и игорные дома — только вывешивали знамена, зазывая клиентов. Фонари под карнизами домов зажигались один за другим, освещая каменную мостовую теплым желтым светом.

Стояла поздняя весна, посетители любили есть лапшу прямо на улице. Под тенью деревьев ветерок приносил аромат трав, было очень приятно. Внутри же никого не было.

Чэн Цяньжэнь наблюдал, как хозяин подал гостю лапшу и снова развалился в кресле-качалке за прилавком.

Он прислонил старый меч к стене:

— Хозяин, я пришел сводить счета.

Хозяин лениво отозвался.

Пространство за прилавком было тесным, им пришлось потесниться. Чэн Цяньжэнь взял книги и счета и сел за квадратный стол.

Звонкий стук костяшек счетов разносился по лавке. Незаметно стемнело, гости разошлись, смех и разговоры утихли, а баланс все еще не сходился.

Чэн Цяньжэнь нахмурился:

— Что такое? Не сходится, разница в четыре ляна.

Из-за прилавка раздался голос:

— Я сегодня взял четыре ляна, чтобы купить вина, не записал.

Чэн Цяньжэнь был готов подскочить и начать трясти его за шиворот: «Хозяин, будьте внимательнее! Это очень дорого, вас точно обманули, мы за месяц столько не зарабатываем!»

— Какое вино вы пили? В следующий раз, когда пойду за рисом и мукой, куплю заодно...

Только он начал говорить, как в лавку вошел юноша в фиолетовом и сел напротив:

— Хозяин, миску лапши Янчунь.

Хозяин не проявил к гостю ни малейшего уважения, продолжая лежать в кресле:

— Лапша в котле, сам бери. Добавляй что хочешь.

Гу Сюэцзяну пришлось самому идти на кухню.

Когда он вернулся, Чэн Цяньжэнь уже убрал кисти и счета, протянув ему палочки:

— Такой довольный, заработал?

Гу Сюэцзян просиял:

— Встретил одного щедрого клиента, в этом месяце можно больше не работать.

— Ну ты даешь: три года не открывал лавку, а как открыл — на три года хватит.

Дымящаяся лапша была тонкой и полупрозрачной. Сверху была посыпана мелко нарезанная древесная грибная начинка, тофу и морковь, выглядело очень аппетитно.

Гу Сюэцзян съел полмиски и только тогда решил поболтать:

— Еще бы, чего другого не умею, а рисовать красавиц — точно в тройку лучших по Наньяну вхожу.

Чэн Цяньжэнь улыбнулся:

— Интересно, проверяют ли на Турнире двух академий умение рисовать красавиц... Я собираюсь записаться на литературный этап, за двадцатое место дают триста лянов, как думаешь?

Ранней весной набирали учеников, а в начале осени начинался Турнир двух академий — как говорится, «весной посеешь зерно, осенью соберешь урожай». У него было еще полгода на подготовку, времени предостаточно.

Гу Сюэцзян замер:

— Ты читал регламент прошлогодних соревнований?

— Еще нет, недавно просматривал программу литературного этапа. Что такое, разве там не жеребьевка?

— Жеребьевка, но в первом туре обязательно нужно быть вчетвером: двое от литературы, двое от боевых искусств, общий счет решает, пройдете ли вы дальше. Это новое правило ввели в прошлом году, говорят, нынешние ученики знают только как позаботиться о себе, нужно поощрять сотрудничество. Из нас троих только Сюй Жань может участвовать в боевом этапе. Раньше было проще, она могла найти любого сокурсника для массовой, а сейчас...

Гу Сюэцзян не успел договорить, Чэн Цяньжэнь уже все понял.

Теперь, когда личность Сюй Жань стала известна всем, сокурсники избегают ее, кто захочет быть с ними в одной команде?

Чэн Цяньжэнь вздохнул:

— Ешь лапшу, пока не остыла.

Если он лишится трехсот лянов, он будет не в силах смириться, нужно искать выход.

Раздался голос хозяина:

— Тебе сейчас очень нужны деньги?

Чэн Цяньжэнь обернулся:

— Сейчас нормально. Но в начале весны предстоят расходы...

Вдруг он увидел, что хозяин посмотрел в сторону двери, лицо его изменилось, брови сошлись к переносице.

Чэн Цяньжэнь проследил за его взглядом: пустота, тьма, лишь бумажный фонарь у двери качается на весеннем ветру.

Все было как обычно, но он почувствовал беспричинный страх.

Через пару мгновений из темноты показалась черная тень. Вскоре она оказалась в свете фонаря, и Чэн Цяньжэнь вздохнул с облегчением — всего лишь человек в инвалидном кресле.

Человек в кресле произнес:

— Хозяин, я хочу купить миску лапши.

Голос прозвучал в весеннем воздухе — чистый и приятный.

Гу Сюэцзян, сидевший спиной к двери и продолжавший есть, отозвался:

— Гость пришел.

Чэн Цяньжэнь встал, чтобы помочь человеку завезти кресло. Нелегко выйти поесть, когда ноги не ходят.

Если бы он в этот момент увидел лицо хозяина, никакая сила в мире не заставила бы его пошевелиться.

Кресло было легким, человек тоже. Он без труда въехал в лавку. Чэн Цяньжэнь опустил взгляд и встретился с парой черных, как смоль, глаз.

В ярко освещенной лавке внешность гостя стала видна отчетливо.

Гу Сюэцзян доел лапшу, поднял голову и уронил палочки.

Чэн Цяньжэнь каждый день видел Чжулю, поэтому обычная красота не могла его поразить.

Но этот человек был другим.

Белоснежное одеяние, мягкие черные волосы, фарфоровая кожа, тонкие ярко-красные губы, светлые, длинные брови — несколько простых красок, но вид его был ошеломляющим.

Если красота Чжулю была даром небес, чистой и невинной, то этот человек был полной противоположностью: в каждом движении глаз сквозила злая магия, заставляющая сердце биться чаще.

Чэн Цяньжэнь пришел в себя первым, слегка кашлянул, приводя в чувство Гу Сюэцзяна, и помог гостю пересесть за другой стол.

— Куриный суп с вонтонами, лапша Янчунь, лапша в кислом соусе — что будете?

Гость улыбнулся.

— Уже поздно, подавайте что есть.

Чэн Цяньжэнь посмотрел на хозяина.

Хозяин не собирался идти на кухню, он продолжал лежать с опущенными веками:

— Уже поздно, те, кто не ест лапшу, могут уходить.

Это звучало странно, будто он выгонял Чэн Цяньжэня и Гу Сюэцзяна. Атмосфера в лавке внезапно стала напряженной.

Чэн Цяньжэнь, стоявший ближе всех к гостю, заметил его белоснежные, как нефрит, руки и безупречно чистый подол одежды, и у него возникло скверное предчувствие.

У человека, который передвигается ночью в одиночку на инвалидном кресле без слуг, могут быть такие чистые руки и одежда?

Он молча подал знак Гу Сюэцзяну.

Они встретились взглядами, понимая догадку друг друга: сидящий в кресле, на первый взгляд хрупкий гость, скорее всего, великий практик.

За годы жизни на восточных границах, на грани жизни и смерти, Чэн Цяньжэнь научился чувствовать опасность лучше обычных людей, пусть и не так остро, как практики.

Лавка была маленькой, его старый меч, прислоненный к стене, был всего в трех шагах.

Он быстро подошел и схватил меч. Теперь он понял, почему хозяин заставлял его носить оружие — с ним в руках было спокойнее.

Гость вдруг поднял голову и посмотрел на него. Точнее, на его меч.

Этот взгляд вызвал у Чэн Цяньжэня такое сердцебиение, которое превосходило давление Меча Линьшуан в ту дождливую ночь.

Гу Сюэцзян все еще сидел, перед ним остывал бульон.

Основываясь на опыте столкновений с практиками, он знал: при неясной ситуации и огромной разнице в силе любое опрометчивое действие может разъярить противника.

Воздух будто застыл, но хозяин оставался невозмутимым.

Наконец гость заговорил, тихо и спокойно:

— Шисюн, шестнадцать лет не виделись, как ты поживаешь? Говорят, климат Наньяна полезен для здоровья, думаю, здесь лучше, чем в горах.

Услышав слово «шисюн», Гу Сюэцзян выдохнул:

— Значит, знакомы. — Он встал, пытаясь увлечь Чэн Цяньжэня за собой. — Тогда болтайте, мы пойдем.

Улыбка гостя стала шире, в глазах промелькнула ностальгия, но голос остался холодным:

— Конечно, знакомы. Месть за убийство учителя я не забуду до самой смерти.

Гу Сюэцзян застыл на месте.

Шестнадцать лет, горы, братья по учению, убийство учителя... Бесчисленные обрывки

информации пронесли в его голове, быстро сложившись в одну картину.

Он указал на хозяина лапшичной:

— Нин Фухуань!

Чэн Цяньжэнь был в ужасе, его первой мыслью было, что Гу Сюэцзян ошибся.

Легенда гласила: Нин Фухуань с юности прославился высокомерием и безумными поступками, и лишь благодаря поддержке учителя многие в мире практиков терпели его выходки. А потом он убил учителя, предал школу, покинул Павильон Меча и стал изгоем.

Одни говорили, что он достиг Дао, прорвался к уровню Святого и ушел на острова основывать свою секту; другие — что его убили враги на восточных границах.

Как бы то ни было, такая фигура, сотрясающая мир, не могла открыть лапшу в Наньяне!

Еще страшнее было то, что если хозяин — это Нин Фухуань, то гость — это Сон Цзюэфэй, впавший в безумие?

Чэн Цяньжэнь только подумал об этом, как реальность ударила его по лицу.

После того как Гу Сюэцзян назвал имя, хозяин приподнял веки и спокойно ответил.

Он не испугался, медленно выпрямился и посмотрел прямо на вошедшего:

— Пусть гость, пришедший поесть, уйдет, а мы с тобой спокойно поболтаем.

Нин Фухуань сидел в кресле за прилавком, Сон Цзюэфэй — в инвалидном кресле, но Чэн Цяньжэню и Гу Сюэцзяну казалось, что они смотрят на них свысока.

Сон Цзюэфэй усмехнулся:

— У гостя, пришедшего поесть, в руках «отгоняющий богов и демонов»?!

В лавке было четверо, и только у Чэн Цяньжэня был меч.

События развивались слишком быстро, выходя за рамки его понимания. Он смотрел на меч и не мог вымолвить ни слова.

Единственным, кто сохранял спокойствие, был Нин Фухуань.

— Ладно, это мой помощник. Сводит счета, закупает продукты, зарабатывает три лян в месяц, не стоит ему рисковать жизнью, — он указал на Гу Сюэцзяна. — А это обычный гость, пусть он сначала уйдет, хорошо?

<http://bllate.org/book/21041/2140660>